

— Глава секты!

— Глава, как вы вернулись?

Ли Яньцин вздрогнул от неожиданности, не ожидая увидеть Шэн Шэчуаня.

— Снег повалил слишком сильно. Глава Ду и остальные побоялись, что Ую простудится, поэтому велели нам вернуться первыми.

Взгляд Шэн Шэчуаня упал на стоявшую рядом Сюй Цинцзэ, и в его голосе прозвучало недоумение:

— Кто заболел? А-Юань?

Услышав этот вопрос, Ли Яньцин почувствовал, как накопившееся негодование нашло выход, и не удержался от жалобы:

— Глава! Это А-Юань заболел, причем очень тяжело! Ему нужен женьшень. Я ходил в нашу аптеку, чтобы попросить корень для него, но они наотрез отказали, заявив, что приберегли его для омовений новой госпожи.

Шэн Шэчуань, услышав это, отстранил их в сторону и подошел к Ли Юаньцзиню. Тот лежал на кровати, лицо его горело неестественным румянцем, скулы опасно выступали, а глазницы глубоко запали — явный признак сильного обезвоживания.

— Сначала принесите воды, добавьте немного сахара и соли, остудите до нужной температуры и напоите его как следует.

— Слушаюсь.

Поняв, что Шэн Шэчуань не собирается бросать Ли Юаньцзиня на произвол судьбы, Ли Яньцин обрел уверенность и поспешил за водой.

Однако Сюй Цинцзэ остановила его:

— Вода уже готова, она как раз нужной температуры, можешь сразу давать ему пить.

Шэн Шэчуань мельком взглянул на Сюй Цинцзэ, по-видимому, оставшись доволен её ответом.

— Я также приготовила жаропонижающий отвар. Скорее всего, он простудился, поэтому и поднялась температура. После лекарства ему должно стать легче. Но... я также заметила, что он крайне истощен и выглядит как человек, страдающий от голода. Если не заняться его питанием и не укрепить организм, последствия могут быть самыми плачевными.

Шэн Шэчуань был сведущ в медицине. Он прощупал пульс Ли Юаньцзиня и, обнаружив, насколько тот слаб, невольно нахмурился.

— Разве до этого с ним не всё было в порядке? Как он мог так внезапно слечь?

Шэн Шэчуань повернулся к стоявшим рядом:

— Один из вас отправляйтесь в медицинский корпус и возьмите самый большой и дорогой корень женьшеня. Если будут упираться — скажите, что это мой приказ. Другой пусть идет во внешний двор и позовет Ду Ую. У меня есть к ней вопросы.

— Есть.

Получив приказ, оба разошлись в разные стороны и покинули комнату.

Шэн Шэчуань взял приготовленные лекарство и подслащенную воду. Он осторожно приподнял едва дышащего Ли Юаньцзиня и прижал его к себе. В полубессознательном состоянии Ли Юаньцзинь сделал пару глотков, его сознание начало проясняться, но он не понимал, кто именно за ним ухаживает. В бреду он внезапно выкрикнул имя, которое давно похоронил в глубинах своей памяти:

— Брат Жун...

— Что? — Шэн Шэчуань замер и посмотрел на Ли Юаньцзиня, который по-прежнему не приходил в себя.

Губы Ли Юаньцзиня слегка дрогнули, и Шэн Шэчуань расслышал следующие слова:

— Я буду... я буду слушаться... умоляю... прошу, не бросай... не прогоняй меня...

С этими словами горячая слеза скатилась из-под плотно сомкнутых век Ли Юаньцзиня и упала на тыльную сторону ладони Шэн Шэчуаня. Это вызвало у него неприятное чувство.

Когда-то давно он тоже ухаживал за Лу Цюаньюань, когда та принимала лекарства. Тогда она тоже была больна и бредила, совсем как Ли Юаньцзинь сейчас. Он заботился о ней, терзаясь из-за того, что она не могла проглотить ни кусочка пищи. Но чье имя тогда шептала Лу Цюаньюань?

Он не знал. Он знал лишь одно: того, кого она звала, был не он. Точно так же, как и сегодня, в случае с Ли Юаньцзинем.

Женьшень принесли быстро. Вместе с ним в комнату вошла Хань Инжо, которая бросила карты и поспешно последовала за Сюй Цинцзэ. Она была так увлечена игрой, что даже не знала о возвращении Шэн Шэчуаня. Она собиралась было съязвить в адрес Сюй Цинцзэ, насмехаясь над тем, что та хочет тратить столь ценный корень на никчемного раба, но та тут же

прикрылась именем главы секты.

Хань Инжо презирала Ли Юаньцзиня, но боялась гнева Шэн Шэчуаня. По дороге она перебирала множество мыслей: почему он вернулся так внезапно и почему решил заступиться за этого раба? Неужели после близости с ним он попал под чары этого слуги? Если это так, то Ли Юаньцзинь — настоящий соблазнитель, а Шэн Шэчуань — мужчина, потерявший голову от страсти!

Хань Инжо вошла в комнату, охваченная тревогой. Шэн Шэчуань уже закончил поить больного и молча стоял у окна, погруженный в свои мысли.

— Глава...

Хань Инжо, которая по пути только и делала, что ругала Шэн Шэчуаня, при виде него превратилась в мышь перед котом. Она опустила голову и не осмеливалась произнести ни слова.

— Почему он заболел? И почему, когда он заболел, никто не оказал ему помощь? Разве он не двоюродный брат вашей госпожи?

— Я... это потому что... потому что...

Хань Инжо замялась. Она не могла сказать, что этот наложник — всего лишь купленный раб. Если бы Шэн Шэчуань узнал об этом, секта Цинчэн оказалась бы замешана в скандале с обманом при женитьбе, что стало бы посмешищем для всего мира боевых искусств.

— Я только что прощупал его пульс. Состояние его тела ужасно, кажется, он долгое время подвергался жестокому обращению. Ваша секта Цинчэн славится богатством и могуществом, так почему вы так с ним обращаетесь?

Шэн Шэчуань опустил взгляд на дрожащую у его ног Хань Инжо. Не дождавшись ответа, он начал терять терпение.

— Что значит молчание? Ждешь, пока придет твоя госпожа, чтобы ты соизволила заговорить? Раз так, то нечего тебе здесь стоять на коленях. Вон отсюда, иди на улицу и стой там.

— Что? Но на улице же...

Хань Инжо не поверила своим ушам. Снаружи бушевала метель, снег падал хлопьями, и буря только усиливалась. Сама она была родом из краев Башу и совершенно не переносила холода. Если она выйдет, то непременно простудится.

— Глава, я на самом деле... я не специально не давала ему лекарство, я думала, что он болен не так сильно, я...

— Ты думала? Что значит ты думала? — насмешливо перебил её Шэн Шэчуань. — Твои медицинские познания уже достигли таких высот, что ты можешь определять тяжесть болезни, даже не взглянув на пациента? Если это так, то врачевание в секте Цинчэн поистине удивительно.

Хань Инжо покраснела от стыда и гнева, хотела было что-то возразить, но Шэн Шэчуань раздраженно рявкнул:

— Вон! Я говорю в последний раз — вон!

— Постой!

Едва Шэн Шэчуань закончил фразу, как снаружи раздался звонкий девичий голос. Девушка в алой накидке, отороченной мехом, рывком распахнула полог и вошла в комнату. Она была причесана в два пучка, а её глаза, напоминающие утиные, сияли живостью. В тот момент, когда она появилась, тяжелая, гнетущая атмосфера в комнате словно рассеялась, став светлой и оживленной.

<http://bllate.org/book/22248/2326790>